УДК 811.161.1'367'0

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ 1700–1710-х гг.: ПРОБЛЕМА СИНТАКСИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

О. В. ЗУЕВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассмотрена проблема определения синтаксического статуса конструкций с модально-оценочным значением в русскоязычных эпистолярных текстах первых десятилетий XVIII в. в свете изучения вопросов об эволюции категории вводности в истории русского языка и формальном выражении этой категории. Описаны функционально-семантические группы конструкций. Показано, что на данном хронологическом срезе для синтаксической организации выбранного типа дискурса характерно употребление как вводных конструкций, так и не принадлежащих к ним оборотов с модально-оценочным значением, причем в количественном и частотном отношении вторые значительно преобладают. Установлено, что ряд единиц допускают различную синтаксическую интерпретацию в силу формальных связей с другими компонентами высказывания, грамматической омонимии и принципиальной невозможности реконструировать коммуникативное намерение автора текста. Сделан вывод о необходимости изучения формально-грамматических характеристик модально-оценочных конструкций в русском языке донационального периода в целях уточнения их синтаксического статуса.

Ключевые слова: вводные конструкции; синтаксическая квалификация; модально-оценочное значение; функционирование; эпистолярный текст; русский язык; XVIII век.

Образец цитирования:
Зуева ОВ. Вводные конструкции в русском эпистолярном тексте 1700–1710-х гг.: проблема синтаксической квалификации. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2019;3:49–59.

For citation:
Zuyeva VU. Parenthetical constructions in the Russian epistolary text of 1700–1710s: the problem of syntactic qualification. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2019;3:49–59. Russian.

Автор:
Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета.

Author:
Volha U. Zuyeva, PhD (philology); head of the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com

Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2019;3:49–59
Journal of the Belarusian State University. Philology. 2019;3:49–59

ПАБОЧНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ Ў РУСКІМ ЭПІСТАЛЯРНЫМ ТЭКСЦЕ 1700–1710-х гг.: ПРАБЛЕМА СІНТАКСІЧНАЙ КВАЛІФІКАЦЫІ

В. У. ЗУЕВА[1*]

[1*]*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разгледжана праблема вызначэння сінтаксічнага статусу канструкцый з мадальна-ацэначным значэннем у рускамоўных эпісталярных тэкстах першых дзесяцігоддзяў XVIII ст. у святле вывучэння пытанняў пра эвалюцыю катэгорыі пабочнасці ў гісторыі рускай мовы і фармальнае выражэнне гэтай катэгорыі. Апісаны функцыянальна-семантычныя групы канструкцый. Паказана, што на дадзеным храналагічным зрэзе для сінтаксічнай арганізацыі абранага тыпу дыскурсу характэрна ўжыванне як пабочных канструкцый, так і зваротаў з мадальна-ацэначным значэннем, якія не адносяцца да пабочных, прычым у колькасным і частотным плане апошнія значна пераважаюць. Устаноўлена, што шэраг адзінак дапускаюць розную сінтаксічную інтэрпрэтацыю праз наяўнасць фармальных сувязей з іншымі кампанентамі выказвання, граматычнай аманіміі і прынцыповай немагчымасці рэканструяваць камунікатыўны намер аўтара тэксту. Зроблены высновы пра неабходнасць вывучэння фармальна-граматычных характарыстык мадальна-ацэначных канструкцый у рускай мове данацыянальнага перыяду з мэтай удакладнення іх сінтаксічнага статусу.

Ключавыя словы: пабочныя канструкцыі; сінтаксічная кваліфікацыя; мадальна-ацэначнае значэнне; функцыянаванне; эпісталярны тэкст; руская мова; XVIII стагоддзе.

PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN EPISTOLARY TEXT OF 1700–1710s: THE PROBLEM OF SYNTACTIC QUALIFICATION

V. U. ZUYEVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The problem of determining of the syntactic status of constructions with an evaluation modal meaning in the Russian epistolary texts of the first decades of the 18th century is considered. This problem is connected with studying of the evolution of the parenthetical category in the history of the Russian language and studying of the formal expression of this category. Functional and semantic groups of constructions are described. It is shown that in this chronological period the syntactic organization of the selected type of discourse is characterized by using both parenthetical constructions and non-related phrases with an evaluation modal meaning. Such phrases are significantly more quantitative and frequency prevailing. It has been established that many units allow different syntactic interpretations due to formal connections with other components of the statement, grammatical homonymy and inability to reconstruct the communicative intention of the author of the text in principle. The need to study formal and grammatical characteristics of modal and evaluative constructions in the Russian language of the pre-national period in order to clarify their syntactic status is concluded.

Keywords: parenthetical constructions; syntactic qualification; evaluation modal meaning; functioning; epistolary text; Russian language; 18th century.

Введение

Вводные конструкции являются средством построения высказывания, служащим для выражения известного ряда модально-оценочных значений. Изучение вводных единиц в диахроническом аспекте позволяет проследить процесс выделения компонентов структуры предложения, грамматически не связанных или имеющих ослабленную связь с другими компонентами; зафиксировать появление новых вводных конструкций вследствие усиления у слов и выражений оценочного компонента значения, утраты связи с обозначаемым вне данного контекста понятием и изменения морфологических свойств; описать преобразования формальной и семантической организации предложения.

Состав и функционирование вводных конструкций в текстах древне- и старорусского периодов и ранее привлекали внимание ученых. В исследованиях 1950–60-х гг. показано, как исторически формировалась категория вводности. В. А. Ицкович обращает внимание на то, что в древнейших памятниках

объем разрядов крайне узок, а, например, в текстах деловой письменности XII–XIII вв. вводные конструкции отсутствуют [1; 2]. Ученый заключает, что первые зафиксированные вводные слова служат для установления числовой последовательности частей изложения, указания на источник сообщения [1, с. 64, 76]. О. А. Черепанова уточняет данный вывод, подчеркивая, что древнейшими словами, употребляемыми как вводные, являются предложно-падежные формы *во истину* и *по истине*, глаголы *мню* и *рече* [3, с. 6]. В работах Н. Ю. Павловской установлено, что все основные функционально-семантические типы вводных конструкций, представленные в синтаксисе современного русского языка, сложились еще в позднюю старорусскую эпоху. Исследователь представляет модель процесса формирования вводных единиц, заключающегося в лексико-семантической конденсации частей высказывания и их модализации, а также в изменении способа организации высказывания (сложноподчиненных предложений, конструкций с прямой речью и предложений с обстоятельственными распространителями) [4; 5]. Этот процесс продолжается и в позднейшие периоды развития русского языка, являя собой, очевидно, универсальные закономерности развития экспрессивных синтаксических конструкций, у которых модальное значение начинает преобладать над понятийным.

Лингвисты обращались к изучению состава и функционирования вводных единиц в текстах различных стилей и жанров XVIII–XX вв., исследовали историю отдельных вводных слов [6–9]. Так, В. А. Глухова и Р. А. Каримова на материале литературных произведений середины XVIII – начала XIX в., С. О. Глушакова на материале научных текстов середины XVIII – XX в. приходят к общему выводу о повышении интенсивности употребления вводных слов начиная с середины XVIII в. Исследовав поэтические тексты от М. В. Ломоносова до М. Ю. Лермонтова, Н. В. Патроева заключила, что этот рост связан с «усилением элементов аналитизма в грамматическом строе русского языка и усилением личностного начала в литературном дискурсе» [10, с. 183].

При несомненной разработанности вопроса об эволюции вводных конструкций в истории русского языка, на наш взгляд, недостаточно освещенной остается проблема выделения критериев, достаточных для однозначной квалификации в письменном памятнике той или иной единицы как вводной. Безусловно, исследователями приводятся такие основания, как особый порядок слов, приводящий к синтаксической изоляции единицы, вытеснение оценочным значением собственно понятийного. Однако возникает вопрос: всегда ли контекст снимает грамматическую омонимию вводной конструкции и члена предложения (прежде всего это касается обстоятельств, выраженных наречиями и предложно-падежными формами) и не проецирует ли современный читатель свою языковую компетенцию на источник? Этой проблеме и посвящена данная статья.

Мы ограничимся текстами двух первых десятилетий XVIII в., принадлежащими к жанру частных писем бытового и делового характера, дающими образцы обиходно-бытовой речи названного периода. В заявленном аспекте вводные слова до сих пор специально не изучались (в работах В. А. Ицковича, наряду с другими источниками, анализировались только письма Петра I). В начале XVIII в. в русской речи активно возникали новые явления, которые становились характерными для того или иного вида дискурса, поэтому возникла следующая **гипотеза**: в бытовых и деловых письмах Петровской эпохи представлены вводные слова и выражения, свойственные русской речи первых десятилетий XVIII в., среди которых есть жанровые формулы; интерпретация ряда слов и выражений как вводных затруднительна вследствие невозможности реконструировать установку автора речи и интонационный рисунок предложения; рассмотрение текстов первых десятилетий XVIII в. должно выявить некоторую динамику в составе вводных конструкций и в их употреблении.

Цель исследования – установление состава, семантики и особенностей функционирования вводных конструкций и отграничение их от синонимичных им оборотов с модально-оценочным значением, имеющих формальную связь с остальными членами предложения, а также от конструкций переходного типа в частных письмах, написанных на русском языке, первых двух десятилетий XVIII в.

Задачи исследования: определение перечня единиц, представленных в синтаксисе эпистолярной обиходно-бытовой речи начала XVIII в. в качестве вводных; описание модально-оценочных конструкций переходного типа или в принципе не допускающих интерпретации как вводных; характеристика отдельных единиц, история употребления которых показывает значительные изменения в их лексико-грамматической семантике и функционировании.

Материалы и методы исследования

Источники языкового материала – частно-бытовые и частно-деловые письма 1700–1720-х гг., а именно переписка представителей элиты (Петра I, его жены Екатерины Алексеевны, сына Алексея Петровича, герцогини Курляндской Анны Иоанновны) и письма из архивных фондов русских помещиков. Все они сопоставлялись с письмами архиепископа Димитрия Ростовского и письмами к нему различных

лиц, однако специфика стиля этих посланий – сочетание элементов церковнославянского, украинского, латинского, русского языков – не позволяет рассматривать их в одном ряду с памятниками собственно русского языка начала XVIII в., к которым относится основной корпус источников.

Все письма изучались по изданиям XIX–XXI вв. (см. перечень сокращений). Приводимые далее языковые примеры сопровождаются указанием автора, года, источника, номера текста и страницы. Сохранены орфография и пунктуация, представленные в публикациях, даже если предпринятая издателями расстановка знаков препинания очень спорная (это касается источников XIX в.).

Всего проанализировано 435 писем, написанных на русском языке в 1700–1710-х гг. В них обнаружено около 80 разных конструкций с модально-оценочным значением. В письмах Димитрия Ростовского и адресованных ему посланиях (всего изучено 85 текстов) выявлено немногим более 20 разных конструкций с указанным значением. Почти все они встречаются в письмах, относящихся к основному анализируемому корпусу. Выражения, различающиеся по грамматическому оформлению при тождестве лексического наполнения, мы подсчитывали отдельно, например: *сама знаешь – какъ сама знаешь – сама знаешь, что*. Считаем такой подход обоснованным в силу того, что вводные единицы выделялись из множества конструкций, передающих отношение автора к сообщению. Многие слова и выражения высокочастотны (*слава Богу*, *дай Боже*, *пожалуй*, *чаю* и др.). Подчеркнем, что понятие «конструкция с модально-оценочным значением» более широкое, чем понятие «вводная конструкция»: второе соотносится с первым, как гипоним с гиперонимом. В проанализированных контекстах однозначно квалифицировать как вводные можно лишь 19 слов и выражений (их список приводится ниже). Все остальные зафиксированные нами слова и сочетания слов с модально-оценочным значением могут быть интерпретированы или как члены предложения, или как части сложных предикативных конструкций. Есть ряд единиц, которые абсолютно тождественны вводным в смысловом отношении и лексическом выражении, но грамматически они связаны с другими словами в предложении и потому вводными не являются. Приведем типичные примеры из писем: *чаю* как вводное слово и как сказуемое в главной части сложного предложения (*чаю, что…*); *дай Боже* как вводное предложение и как главный член оптативного предложения в устойчивой конструкции «*дай Боже* + инфинитив» и др.

Главный семантический признак вводных слов заключается в том, что они «всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому», синтаксические связи этих единиц с какими-либо членами предложения отсутствуют [11, с. 230]. Данная характеристика не отграничивает вводные конструкции от тех частиц, которые традиционно не относят к вводным единицам (например, *авось*). Вводные единицы маркируются особой интонацией вводности, и именно этим свойством они отличаются от частиц. Указанный признак системно выражается в пунктуации современных текстов, но не в пунктуации источников начала XVIII в. Интонационный рисунок фразы нередко может только угадываться или предполагаться современным читателем по аналогии с восприятием актуально звучащей фразы. Но уместна и корректна ли эта аналогия? При анализе слов, которые можно интерпретировать как вводные, нужно опираться на семантический и структурный критерии, т. е. на наличие/отсутствие у той или иной единицы особого модального значения, а также на явное нарушение синтаксических связей в предложении при попытке включить данную единицу в структурную схему в качестве главного или второстепенного члена. Вводные единицы, по известному выражению В. В. Виноградова, находятся «в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания» [12, с. 725], и для достоверных выводов это явление из иной плоскости должно быть однозначно эксплицировано, а не предполагаться при той или иной интерпретации контекста.

В исследовании использовались методы контекстного анализа, направленной выборки, функционально-семантического анализа.

Результаты и их обсуждение

Выявленные в письмах двух первых десятилетий XVIII в. конструкции с модально-оценочным значением (среди которых есть вводные единицы, слова и выражения, сохраняющие синтаксические связи с членами предложения) распределены нами по следующим функционально-семантическим группам (классификация проведена согласно [11, с. 230–231]).

1. Выражение субъективного отношения, эмоциональных, интеллектуальных оценок самого говорящего (*слава Богу*; *божией помощию*; *по своей милости*; *сожалѣю*, *что…*; *истинно*; *ей*; *правда*; *чаю*; *надѣюсь* и др.). Данная группа самая многочисленная, в ней представлено большое количество выражений, регулярно используемых в переписке разных лиц.

2. Значение акцентирования, привлечение внимания собеседника (*сама знаешь*, *для Бога*, *пожалуй*, *почитай* и др.). Выражения повторяются в разных текстах; употребление глагола *пожалуй* и предложно-падежной формы *для Бога* встречается весьма часто, так как в письмах постоянно эксплицируется ситуация просьбы.

3. Отношение к стилю, манере речи, характеру и способу изложения (*единымъ словомъ сказать, что…* – единственный пример в данной группе).

4. Указание на связи, отношения и зависимости (*первое, что…*; *а іменно*; *впротчемъ*; *ітакъ*; *на примѣръ*). Примеры, кроме *впротчемъ* и *ітакъ*, единичны.

5. Указание на источник, отнесенность к автору речи (*сказываютъ*; *дѣламъ знатно*; *по темь словам знатно, что…*; *по старой пословице*). Все примеры единичны.

Подавляющая часть данных слов и выражений имеет формальные и смысловые связи с членами предложений, поэтому эти обороты не являются вводными, например: *…всемилостивыі Господь неописанную побѣду надъ неприятелемъ намъ сего дня даровати ізволилъ,* ***единымъ словомъ сказать, что*** *вся непъриятелская сила на голову побиты* (1709, Петр I; ПРГ-1, № 12, с. 9); *…а я* ***чаю, что*** *изволили запамятовать…* (1717, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 211, с. 158); ***Правъда сказать, что*** *диковинка будетъ, какъ отдѣлаетца!* (1719, Петр I; ПРГ-1, № 123, с. 88) и др. К данной группе относятся выражения со стержневым словом – глаголом, который управляет второстепенным членом или от которого ставится вопрос к придаточной изъяснительной части; реже конструкция входит в придаточную присоединительную часть. В собранном нами материале большинство выражений данной группы соотносимы с синонимичными им конструкциями, которые функционируют в текстах писем как вводные: *Мы чаемъ завътра въ путь свой,* ***ежели Богъ ізволитъ,*** *ітить* (1715, Петр I; ПРГ-1, № 60, с. 41) – формально придаточная условия; *…понеже я въ будущую недѣлю конечно поѣду,* ***Богъ волитъ,*** *въ Нарву* (1708, Петр I; ПРГ–1, № 8, с. 6) – вводное предложение; *…и* ***надѣюсь, что*** *вы, батюшка мой, ізвѣстны…* (1718, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 117, с. 84) – сложноподчиненное предложение; *…которые мои (вѣсти),* ***надѣюсь,*** *уже симъ времянемъ къ вашей милости дошли* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ–1, № 148, с. 112) – вводное слово.

Интерес представляют предложения с эксплицированной, но нарушенной (по крайней мере, для носителя современного русского языка) грамматической связью. Эти отступления не единичны и касаются употребления устойчивого выражения *дай Боже* в следующих двух типах конструкций:

• предложения типа ***Дай Боже*** *скоряя нынешние дни прошли* (1717, Петр I; ПРГ-1, № 100, с. 72). Очевидно, здесь пропущен союз *чтобы* (ср. реализацию схемы *Дай Боже, чтобы…* в письмах 1712–1717 гг. Петра I № 45, 67, 77, 99 и др.). Встречаются примеры отсутствия союза: ***Дай, Боже!*** *счастливо было вручено і вашей милости во здоровье кушать* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 130, с. 95); *…однако когда положили свое намѣрение,* ***дай Боже!*** *оное исполнилось, і къ намъ счастливо-бъ воротились* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 140, с. 104). Возможно, здесь представлена грамматическая особенность разговорной речи начала XVIII в.: выражение *дай Боже* в подобных примерах не является вводным, оно используется в значении частицы *бы* в оптативных предложениях.

Приведем еще один пример: *…дабы вамъ временно успѣть къ разрѣшению вашего бремени,* ***что дай Боже*** *счасливо окончилось!* (1714, Петр I; ПРГ-1, № 56, с. 38). Фразеологизированная придаточная присоединительная *что дай Боже* обычна для писем, например: *…і чаемъ по двухъ іли трехъ неделехъ васъ видеть,* ***что дай Боже!*** (1709, Петр I; ПРГ-1, № 14, с. 10). Но в данном случае мы видим нарушение грамматической связи, потому что, с одной стороны, от выражения *дай Боже* зависит дополнение *что*, а с другой – это выражение функционирует как частица *бы*;

• предложения типа *Такожъ посылаю… помаранцовъ и другихъ овощей… и желаю –* ***дай, Боже!*** *вамъ оное употреблять во здравие* (1714, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 205, с. 154); *…тебя Государя поздравляю, желая,* ***дай Боже,*** *сколко на земли Россию побѣдами прославилъ, чтобъ на мори сугубо прославити изволилъ* (1714, Алексей Петрович; ПАП, № 126, с. 72); *Поздравляю, дарагой братецъ, въ день рождения Вашего Высочества, и желаю,* ***дай Боже,*** *и впредь много такихъ дней видеть въ радости* (1718, Анна Иоанновна; ПРГ-3, № 21, с. 32). В таких предложениях словосочетания *употреблять во здравие, видеть в радости*, а также целая придаточная часть одновременно зависят и от глагола *желаю*, и от устойчивого выражения *дай Боже*. Отметим, что пожелания, реализующие схему «*дай Боже* + инфинитив», широко представлены в письмах (например, Екатерины Алексеевны от 1719 г. № 130, 150, 154 и др.).

Пример конструкции сходного типа: *…нынѣ съ часъ на часъ ожидаю отъ вашей милости другихъ,* ***дай Боже!*** *приятнѣйшихъ вѣдомостей* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 151, с. 115). Словосочетание *приятнѣйшихъ вѣдомостей* зависит одновременно и от глагола *ожидаю*, и от выражения *дай Боже*; словосочетание *приятнѣйшихъ вѣдомостей* не является здесь уточняющим членом предложения (т. е. его нельзя истолковать как «другие, на сей раз приятные»), потому что, судя по контексту, адресат, т. е. Петр I, ранее сообщал о победе под Нарвой, и теперь адресант ожидает новых приятных известий.

Конечно, можно попытаться интерпретировать вышеприведенные предложения как бессоюзные при постановке соответствующей пунктуации: *…и желаю:* ***дай, Боже!*** *вамъ оное употреблять во здравие…*; *…тебя Государя поздравляю, желая:* ***дай Боже****…* Но в этом случае, на наш взгляд, возникает

искусственная интонация. Типичное пожелание в письмах начала XVIII в. выражается или оборотом «*желаю* + инфинитив», или оборотами «*дай Боже* + инфинитив», «*дай Боже* + В. п. сущ.», «*дай Боже* + Р. п. сущ.», и в описываемых примерах наблюдается именно их интерференция. Кроме того, привнести в предложение *Ожидаю отъ вашей милости другихъ,* ***дай Боже!*** *приятнѣйшихъ вѣдомостей* интонацию бессоюзного предложения вообще невозможно.

Таким образом, данные конструкции с двумя управляющими компонентами, не являющимися однородными членами, иллюстрируют явное грамматическое нарушение – избыточность одного из компонентов структурной схемы. Устранение формальной связи и превращение синтаксических единиц в вводную придает таким предложениям четкую грамматическую скоординированность.

Частотность использования в письмах различных конструкций, сохраняющих грамматическую связь с другими членами предложения, в исследованном материале выше, чем частотность синонимичных изолированных конструкций. Исключение – устойчивое выражение *слава Богу*, которое отмечено в единственном письме при изъяснительной придаточной: ***Слава Богу,*** *что здорово в рожденьи матери было* (1703, Петр I; ПРГ-1, № 1, с. 3). Его же функционирование в текстах в качестве вводного слова весьма активно, что поддерживается включением его в формулу сообщения адресанта о себе, регулярно встречающуюся в письмах предыдущей (старорусской) эпохи.

Обратимся к тем словам и выражениям, которые или явно не имеют связи с другими словами в предложении, или допускают двоякую интерпретацию (как имеющие эту связь или нет). Среди таких единиц мы выделяем следующие группы.

1. Слова и выражения, функционирующие как вводные. Это, как указывалось выше, немногочисленная группа в нашем корпусе, состоящая из 19 единиц: *истинно*, *во истинну*, *правда*, *чаю* (*чаемъ*), *я чаю* (*чаю я*), *мню*, *почитаю*, *надѣюсь*, *знать*, *на примѣръ*, *ей* (*ей-ей*), *по старой пословице*, *Богъ волитъ*, *дастъ Богъ*, *дай Боже*, *далъ Богъ*, *слава Богу*, *славлю Бога*, *благодарить Бога*[1].

«Линейное» включение данных слов и выражений в предложение нарушает его грамматическую структуру, например: *...и ѧ* ***еі*** *гсдрь моі братец не мого узрѣти противу твоего великого жалованиѧ* (без точной даты; ИНРЯ, № 90, с. 61); *Итако сею,* ***мню,*** *николи у насъ бывшею викторіею вамъ поздравляемъ* (1714, Петр I; ПРГ-1, № 56, с. 37); *А болшой шлюпсъ-ботъ… до вашего –* ***дай, Боже!*** *– счастливого сюда прибытия спускать не будемъ* (1717, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 216, с. 161).

Слова *ей*, *ей-ей*, *истинно*, *во истинну*, *на примѣръ*, *почитаю*, выражения *славлю Бога* и *благодарить Бога* в проанализированном корпусе употреблены исключительно в функции вводных. В единственном письме отмечен оборот, указывающий на источник информации: *...также чтобъ зъ добромъ возвратитца* ***по старой пословице****: хотя не скоро да здорова* (1718, Петр I; ПРГ-1, № 112, с. 80).

Отдельно отметим слово *авось*: *зѣло желаю васъ видеть здѣсь*; ***авось*** *могу і въсътрѣтить* (1717, Петр I; ПРГ-1, № 84, с. 59). В современном русском языке эта частица не используется в качестве вводного слова. Но какова ее роль в языке второго десятилетия XVIII в.? Ответа, на наш взгляд, нет.

Все остальные слова и устойчивые выражения данной группы, сохраняя модально-оценочное значение, являются также членами предложения или образуют предикативную часть сложного предложения фразеологизированной структуры. Сравним функционирование в трех контекстах слова *правда* со значением убеждения, уверенности в чем-либо: ***Правда,*** *что сия вѣдомость мнѣ не беспечална* (1717, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 219, с. 164); *А что пишете… і то* ***правда****; всего более 5 въ день не пью* (Петр, 1717; ПРГ-1, № 100, с. 72); *...ибо сего мѣсяца въ 27 день швецкого шаутбенахта Нилсона Эреншелта… у Ангута близъ урочища Рилаксъ-Ѳиенъ взяли;* ***правда,*** *какъ у насъ въ сію войну, такъ и у алиртовъ съ Ѳранціею много не толко генераловъ, но и ѳелтъмаршаловъ брано, а ѳлагмана ни единого* (1714, Петр I; ПРГ-1, № 56, с. 37). Только в последнем примере это слово является вводным, так как не имеет эксплицированной формальной связи с другими компонентами предложения.

Выражение *благодарить Бога* встретилось в единственном письме: *...которой нынѣ отъ болѣзни своей,* ***благодарить Бога,*** *совсѣмъ уже выздоровелъ* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 137, с. 102). При этом в письмах представлены синонимичные выражения *благодаря Бога*, *благодарение Богу воздавъ*, *по отдании достойного Богу благодарения*, *по благодарении Богу*, объединенные общим модальным значением.

2. Наречия (в том числе сочетание союза и наречия) и **предложно-падежные формы**, которые допускают **двоякую интерпретацию** – или как членов предложения, или как вводных элементов – в зависимости от наделения высказывания тем или иным смыслом. По большому счету, тексты начала

[1]Подчеркнем, что мы ограничиваемся выбранной группой частных писем и анализируем употребление в них вводных единиц, не делая выводов об их составе в письменном русском языке начала XVIII в. Так, в исследовании О. А. Черепановой приведен пример из делового письма Петра I своему сподвижнику Р. Х. Боуру (1708): *И повидимому оной неприятель правится к Чирикову или Кричеву* [3, с. 8]. *Повидимому* – вводное слово, известное в русском языке уже в конце XVII в. (СРЯ XI–XVII, т. 15, с. 158). Однако в изученных нами частных письмах эта единица не была обнаружена вообще.

XVIII в. являют неснятую омонимию из-за отсутствия в них пунктуационного оформления разных интонационных рисунков. Это наиболее интересная группа примеров, иллюстрирующих живой процесс кристаллизации вводных слов и выражений, свойственный и началу XVIII в. Здесь представлены следующие единицы:

впротчемъ, ***въ протчемъ*** – слово встречается только в заключительной части писем и служит для экспликации завершенности текста: *...а* ***въпротчемъ,*** *славлю Бога, здоровъ* (1716, Петр I; ПРГ-1, № 61, с. 42); ***Впротчемъ,*** *отъ сердца желаю счастливого вашего сюда прибытія* (1715, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 209, с. 156); *Остаюсь* ***впротчемъ*** *и есмь Анна – кланяюсь* (без указания даты, Анна Иоанновна; ПРГ-3, № 1, с. 1,); ***В протчемъ*** *пребываю вам моему гсдрю отцу пакорнымъ слугою* (без указания даты; ИНРЯ, № 49, с. 43) и др. Согласно Словарю русского языка XVIII в., первое значение слова *впрочем* – ‘нареч. *Что касается до прочего, остального*’ (СРЯ XVIII, вып. 4, с. 117). В приведенных примерах явно представлено именно это значение, но в словаре нет пометы о синтаксической роли названной единицы. Словарь фиксирует также употребление наречия *впрочем* в функции вводного слова ‘между прочим, кстати сказать’ (СРЯ XVIII, вып. 4, с. 118). Но в письмах реализуется иное модальное значение – обобщение, указание на место высказывания в строе текста. Семантических оснований для связи сказуемого со словом *впротчемъ* в предложениях нет (*желаю впротчемъ? пребываю в протчемъ? остаюсь впротчемъ?*). В письме Димитрия Ростовского Стефану Яворскому есть сходный пример: *Прочее же не дѣя трудов вашему архиерейству, паки и паки кланяюся низко* (1708; ДР, с. 141). Здесь употреблена другая лексема – однокоренное наречие *прочее*, одно из значений которого в старорусском языке ‘в конечном итоге, наконец’ (СРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 285). Как функционирует здесь наречие *прочее* – как обстоятельство или как вводное слово? Вспомним известную сложность (а в ряде контекстов и искусственность) разграничения наречия *наконец* и вводного слова *наконец* в современной русской речи. То же, на наш взгляд, касается и употребления лексемы *въпротчемъ*, поэтому мы относим ее к конструкциям переходного типа;

• ***ітакъ*** (*итако*, *и такъ*) ‘союз. Употр. в начале предложения, содержащего вывод из предыдущего; следовательно, таким образом’ (СРЯ XVIII, вып. 9, с. 171). В изученных письмах данное слово реализует или значение, тяготеющее к значениям наречия *поэтому* и союза *так что* в современном русском языке, или обобщающее значение ‘таким образом’. Однако эти значения трудно разграничиваются: (о свадебной церемонии) *...а отправъляли въ дому каролевы польской. Ітакъ малодою невѣскою вамъ поздравъляю* (1711, Петр I; ПРГ-1, с. 19, № 26), т. е. «поэтому / так что поздравляю…» или «таким образом / итак, поздравляю…»; *...а мы сего моменту подымемся отсель на сикурсъ датскимъ.* ***Ітако*** *на сей недѣли чаемъ быть бою...* (1712, Петр I; ПРГ-1, № 41, с. 27), т. е. «поэтому чаем…» или «таким образом, чаем…». На современного читателя неизбежно влияет его речевая компетенция, относящая слово *итакъ* к вводным, однако это не может быть ни доказано, ни опровергнуто контекстом. Употребление данного слова мы тоже относим к переходному типу конструкций;

• ***конечно*** – это слово часто встречается в письмах Петра I: *...понеже я въ будущую недѣлю* ***конечно*** *поѣду, Богъ волитъ, въ Нарву* (1708, Петр I; ПРГ-1, с. 6, № 8); *...і ежелибъ севоднишний противъной вѣтръ не помѣшалъ, то-бъ* ***конечно*** *сегожъ дни былъ въ Элзенворсѣ* (1713, Петр I; ПРГ-1, № 50, с. 33); *Того для положили, чтобъ сего дня, какъ возможно, далеко отойтить отсюду, а завътро* ***конечно*** *къ преспективѣ дойтить* (1714, Петр I; ПРГ-1, № 58, с. 39); *...і еже бы я зналъ сиі мѣста, что такъ удобно, то-бъ* ***конечно*** *взялъ тебя съ собою* (1716, Петр I; ПРГ-1, № 70, с. 48) и др. Наречие *конечно* в языке XVIII в. означало ‘самое позднее, в крайний срок’, а также ‘обязательно, непременно’, ‘несомненно, безусловно, само собой разумеется’ (СРЯ XVIII, вып. 10, с. 134). Большинство контекстов в анализируемых письмах позволяет отграничить первое упомянутое значение от двух последующих (причем именно первое реализуется чаще), но не дифференцировать второе и третье значения. Определить, имело ли наречие *конечно* в подобных контекстах в речи начала XVIII в. интонацию вводности, невозможно;

• ***всеконечно*** ‘совершенно, полностью’, а также ‘безусловно, несомненно; подлинно, точно’ (СРЯ XVIII, вып. 4, с. 141): *Взятыя языки сказываютъ: всеконечно неприятель болѣе семнатцати тысячъ войска при Стокгольме не имѣетъ* (1719, Петр I; ПРГ-1, № 149, с. 114). В словаре указано, что данное наречие может употребляться в функции вводного слова, однако нельзя наверняка утверждать, что она реализована в данном примере.

Таким образом, слова *конечно*, *всеконечно* мы относим к переходным единицам. В письмах встречается однокоренное с ними и синонимичное им наречие ***кончае***. Оно имеет два словарных значения: ‘1. Употр. при обозначении крайнего срока чего-л. 2. Обязательно, непременно; конечно’ (СРЯ XVIII, вып. 10, с. 156). Примечательно, что в письмах обнаружены только примеры реализации первого значения: *...а Богу ізвольшу, по двухъ дняхъ* ***кончае*** *поѣду отсель* (1717, Петр I; ПРГ-1, № 101, с. 73); *А я чаю, что завътра къ вамъ буду іли кончая позавътрее* (1719, Петр I; ПРГ-1, № 159, с. 122) и др. Возможно,

это косвенный аргумент в пользу того, что основное синтаксическое значение слов *конечно* и *всеконечно* в языковом сознании носителей русского языка названного периода скорее обстоятельственное, чем вводное.

Рассмотренные слова служат для логической организации высказывания и выражают оценку степени достоверности информации. Следующие **устойчивые предложно-падежные сочетания** характеризуют ситуацию с точки зрения благоприятности ее протекания для автора и одновременно указывают на причину сложившейся ситуации. Речь идет о частотных выражениях *(съ) божией помощью, до воли божией, по милости твоей (своей)*: *...і по двочасномъ огню оного* ***съ помошшию божиею*** *съ поля збили* (1708, Петр I; ПРГ-1, № 9, с. 7); *...**до воли бжі** живъ* (1716; ИНРЯ, № 33, с. 35); *...и радуюсь, что такъ часто изволите меня,* ***по своей милости,*** *уведомлять о своемъ здоровье* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 154, с. 118) и др. Достоверно квалифицировать их мешает также отсутствие пунктуационного оформления, которое передало бы интонацию автора письма. Из истории русского языка известно, что путь от обстоятельств к вводным словам проделали многие предложно-падежные конструкции, имеющие модальное значение радости, желательности и являющиеся синонимами к вводным выражениям *слава Богу*, *далъ Богъ*. Именно поэтому они рассматриваются среди конструкций, допускающих их интерпретацию как вводных.

3. Глагольные формы, которые могут быть охарактеризованы как вводные слова. К этой группе мы относим глаголы *пожалуй* и *почитай*. Слово *пожалуй*, регулярно сопровождающее сказуемое-императив при выражении просьбы, – этикетный знак, фиксируемый в текстах с начала XVI в. (СРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 94). Его употребление служило также показателем вежливости при описании действий адресата и третьего лица: глагол менял форму в зависимости от формы сказуемого (*пожаловать отдать*, *пожаловалъ прислалъ*). Форма императива была наиболее частотна в письмах, так как в них часто эксплицировалась ситуация просьбы. Есть ли основания полагать, что форма императива этого глагола превратилась к началу XVIII в. в междометие, употребляемое в роли вводного слова (ср. совр. *пожалуйста*, *будь добр*)? Материалы не дают ответа на этот вопрос. Использование двух глаголов в одинаковой форме известно современному синтаксису (*пойду отдохну*, *сходи послушай*), и первый глагол не является вводным (аналогично глагол *пожалуй* может не быть вводным). Слово *пожалуйста* отмечено уже в конце XVII в. Любопытно, что его употребил в письме Петр I: *...пожалуйста*, *купи большие*[2] (СРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 94). Однако это слово не встречается ни в проанализированных нами письмах императора, ни в целом во всем изученном корпусе источников.

Слово *почитай* функционирует как наречие со значением ‘почти; чуть ли не’ с конца XVII в. (СРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 76). Нами выявлены всего два примера его употребления в таком значении: *...мѣсто здѣшнее... междо такихъ горъ сидитъ, что сонца* ***почитай*** *не видеть* (1711, Петр I; ПРГ-1, № 23, с. 16); *У насъ здѣсь более недели* ***почитай*** *по вься дни тишъ и зѣло тѣпло* (1719, Петр I; ПРГ-1, № 128, с. 93). В ответном письме Екатерины Алексеевны зафиксирован второй пример в следующем контексте: *Еще объявили намъ, что у васъ тишина и тѣпло болѣе недѣли; я доношу, что и здѣсь состоитъ время,* ***почитаю,*** *заравно* (1719, Екатерина Алексеевна; ПРГ-1, № 133, с. 98). Пример крайне интересен тем, что он представляет собой зеркальный ответ на реплику собеседника. Екатерина использует форму 1-го лица глагола *почитати*, очевидно воспринимая слово *почитай* в письме Петра I как глагол, а не наречие. В ее письме слово *почитаю* является вводным, и это единичный пример во всем нашем корпусе. Безусловно, нужно учитывать тот факт, что русский язык не был для Екатерины родным, поэтому в такой трансформации формы (*почитай* как наречие > *почитай* как императив, ‘ты почитай’ > *почитаю* ‘я почитаю’) можно увидеть ошибку. Но предположим, что в русской речи начала XVIII в. могло актуализироваться значение ментальной деятельности глагола *почитати* (в старорусском языке одно из его значений – ‘считать, думать, полагать’ (СРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 77)) при употреблении наречия *почитай* в высказываниях со значением приблизительности (ср. аналогичную внутреннюю форму наречия *почти*). Словарь современного русского языка приводит пример народно-разговорного употребления слова *почитай* в функции вводного слова ‘пожалуй, вероятно’, но такой пример, полагаем, слабо отличается от примера употребления слова *почитай* как наречия ‘почти’: *Болтают много, да, почитай, всё пусто*е (БТС). В данном случае только пунктуация подсказывает смысл фразы (ср. без запятых и с соответственной интонацией: *Болтают много, да почитай всё пустое* («почти всё»)).

Таким образом, примеры функционирования слова *почитай* в письмах 1710-х гг. дают основания видеть в его семантике модально-оценочное значение возможности, неуверенности и допускать его использование не только как наречия, но и как вводного слова (поддерживаемое употреблением вводного слова *почитаю* ‘полагаю, думаю’).

[2]Имеются в виду арабы как слуги. – *О. З.*

4. Устойчивые конструкции типа *если Богъ изволитъ, Богу изволившу*. Формально это придаточная условия и архаичный оборот дательный самостоятельный с тем же значением условия: *Мы чаемъ завътра въ путь свой,* ***ежели Богъ ізволитъ,*** *ітить* (1715, Петр I; ПРГ-1, № 60, с. 41); *...дабы во въторникъ,* ***Богу ізволшу,*** *ранее входъ свой отправилъ* (1714, Петр I; ПРГ-1, № 58, с. 39) и др. Значение условия здесь тесно связано с модальным значением желательности, едва ли не выходящим на передний план. В письмах отмечен вариант данной устойчивой конструкции как несомненно вводного предложения: *...понеже я въ будущую недѣлю конечно поѣду,* ***Богъ волитъ,*** *въ Нарву* (1708, Петр I; ПРГ-1, с. 6, № 8). Тем не менее наличие формальных связей с предложением в целом (*ежели*, *когда*) и сохранение дательного самостоятельного в книжных текстах, из которых он попал в формулу частного письма, требует относить эти выражения к группе переходных конструкций.

Заключение

1. При характеристике вводных слов и выражений в эпистолярных текстах донационального периода и по меньшей мере двух первых десятилетий XVIII в., т. е. в текстах, не имеющих пунктуационного оформления в оригинальных источниках, приходится регулярно использовать более широкий термин «конструкции с модально-оценочным значением», так как собственно вводных единиц среди них немного. В частных бытовых и деловых письмах выявлено около 80 разных слов и синтаксических конструкций, имеющих модально-оценочное значение. Мы уверенно квалифицируем лишь 19 единиц из них как вводные на основании явного нарушения ими грамматической и интонационной линейности высказывания. Наблюдается преимущественное преобладание слов и выражений, которые имеют эксплицированную связь с другими членами предложения или частями сложного предложения, т. е. на данном этапе истории русского языка эти слова еще не утратили синтаксическую валентность.

Если слова и выражения с модально-оценочным значением управляют зависимым компонентом, они не являются вводными. Если они оказываются в позиции формально подчиненного компонента (***впротчемъ*** *прѣбываю*), то возникает вопрос о природе их функционирования. Проанализированные контексты далеко не всегда позволяют снять грамматическую омонимию «второстепенный член предложения – вводная конструкция». Наименее дифференцирована в проанализированном корпусе синтаксическая функция наречных лексем и предложно-падежных форм. Если языковая компетенция и способствует восприятию их как вводных, то это не что иное, как проекция носителей современного русского языка на языковые факты начала XVIII в. Кроме того, вышеописанные примеры семантически не полностью соответствуют современным вводным словам *итак*, *конечно*, *впрочем*.

Вывод, касающийся сложности квалификации вводных конструкций в источниках 1700–1710-х гг. и ограниченности круга единиц, интерпретируемых однозначно, требует, на наш взгляд, повторного обращения к описанию вводных единиц в памятниках донационального периода, проведения дальнейшего тщательного формально-грамматического и прагматического анализа слов и выражений.

2. Тот или иной жанровый канон проявляется, помимо прочего, в допустимой степени индивидуализации текста, отражения в нем личности адресанта. Вводные слова – превосходный способ такой экспликации, но только в том случае, если они входят в собственно информативную часть письма. В употреблении ряда определенных выражений обнаруживается протокольный характер (*слава Богу* – в формуле сообщения о себе; *впротчемъ* – при переходе к заключительной части текста). Наибольшее разнообразие вводных конструкций обнаруживается в письмах Петра I, и это наблюдение может быть частным дополнением к характеристике языковой личности этого человека.

Функционально-семантическая группа конструкций, выражающих различные эмоциональные и интеллектуальные оценки, – самая многочисленная и частотная в текстах писем. Оборотов, служащих логической организации текста, мало, и они редки. Полагаем, это связано с тем, что приватное общение не предполагает особого внимания к ней. Наиболее легко переходят в вводные слова глаголы со значением ментального состояния (*чаю*, *мню*).

Абсолютное большинство выявленных вводных конструкций и – шире – оборотов с модально-оценочным значением относится к предикату предложения: так дается оценка всему высказыванию. Преобладает препозиция вводной конструкции относительно сказуемого, например: *И мундиръ,* ***чаю,*** *будетъ готовъ вскорѣ* (1708, Алексей Петрович; ПАП, № 52, с. 30).

3. Состав модально-оценочных выражений в проанализированных частных письмах 1700–1710-х гг. в целом незначительно отличается от состава соответствующих выражений в старорусских грамотках второй половины XVII в. Мы не обнаружили, как предполагали, значительных различий в перечне конструкций между текстами первого и второго десятилетий XVIII в. В письмах Петровской эпохи отмечены новые вербальные средства связи: *итак*, *впротчемъ*, *напримѣръ*. У лексем *итак*, *впротчемъ* начинает развиваться одно из их значений, и позднее эти слова станут выполнять функцию вводных

элементов, но интерпретировать их употребление в письмах рассматриваемого периода в качестве определенно вводных нельзя. Подчеркнем, что эти замечания касаются синтаксической организации именно эпистолярного дискурса как фрагмента русского коммуникативного пространства названного времени. Возможно, в текстах других жанров данного хронологического среза эти лексемы функционируют иначе.

Надежными основаниями для синтаксической квалификации вводных единиц, упоминаемых в письменных памятниках, пунктуация которых не отражает естественную интонацию, являются только формальная изолированность этих конструкций и очевидное нарушение грамматической структуры высказывания при попытке их включения в него (второе замечание не касается глагольных лексем типа *прошу*, *молю*, употребляемых в начале предложения: они допускают квалификацию как сказуемого в первой части бессоюзного предложения). Все остальные критерии способны лишь гипотетически охарактеризовать выражение, отталкиваясь от той или иной предполагаемой коммуникативной установки автора текста.

Сокращения

БТС – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост. А. С. Кузнецов. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts (дата обращения: 20.08.2019 г.); **ДР** – *Федотова М. А.* Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского. Исследование и тексты. М. : Индрик, 2005; **ИНРЯ** – *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М. : Наука, 1964; **ПАП** – Письма царевича Алексея Петровича к его родителю Петру Великому. Одесса : [б. и.], 1849; **ПРГ-1** – Письма русских государей и других особ царскаго семейства. Т. 1. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М. : Тип. С. Орлова, 1861; **ПРГ-2** – Письма русских государей и других особ царскаго семейства. Т. 2. Переписка царицы Прасковьи Федоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи. М. : Тип. С. Орлова, 1861; **ПРГ-3** – Письма русских государей и других особ царскаго семейства. Т. 4. Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны. М. : Тип. С. Орлова, 1862; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015; **СРЯ XVIII** – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л. : Наука, 1984–2019.

Библиографические ссылки

1. Ицкович ВА. К истории вводных слов и предложений в русском языке. *Вопросы русского языкознания.* 1958;3:35–80.
2. Ицкович ВА. К истории вводных слов и предложений в русском языке. *Вопросы русского языкознания*. 1960;4:91–126.
3. Черепанова ОА. *Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке* [автореферат диссертации]. Ленинград: Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова; 1965. 18 с.
4. Павловская НЮ. Авторская ремарка в составе конструкций с прямой речью как база формирования вводного компонента высказывания. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія.* 1988;3:41–45.
5. Павловская НЮ. О полифункциональности вводной единицы в текстах старорусской письменности XVI–XVII вв. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія.* 1990;1:44–48.
6. Глухова ВА. Вводные конструкции со значением следствия в русском литературном языке XVIII в. *Вопросы языкознания и сибирской диалектологии.* 1977;7:136–140.
7. Каримова ЛА. Вводные слова и вводные сочетания слов в русском литературном языке второй половины XVIII – начала XIX в. *Ученые записки Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина.* 1965;125:137–158.
8. Глушакова СО. Функционирование вводных и вставных конструкций в научных текстах XVIII–XX вв. В: Кожина МН, редактор. *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Том 1. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней. Часть 2. Синтаксис.* Пермь: Издательство Пермского университета; 1994. с. 44–81.
9. Руднев ДВ. История образования вводного слова *значит*. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014;3:79–82.
10. Патроева НВ. Вводные конструкции в лирическом тексте. *Язык. Словесность. Культура.* 2013;2–3:183–205.
11. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 2. Синтаксис.* Москва: Наука; 1980. 709 с.
12. Виноградов ВВ. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Учпедгиз; 1947. 784 с.

References

1. Itskovich VA. [To the history of parenthetical words and sentences in Russian]. *Voprosy russkogo yazykoznaniya*. 1958;3:35–80. Russian.
2. Itskovich VA. [To the history of parenthetical words and sentences in Russian]. *Voprosy russkogo yazykoznaniya*. 1960;4:91–126. Russian.
3. Cherepanova OA. *Leksiko-grammaticheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti v russkom yazyke* [Lexical and grammatical means of expression of modality in Russian] [dissertation abstract]. Leningrad: A. A. Zhdanov State University of Leningrad; 1965. 18 p. Russian.
4. Pavlovskaya NY. [Author's remark as part of direct speech constructions as the basis for the formation of the parenthetical component of the sentence]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja U. I. Lenina. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihalogija.* 1988;3:41–45.

5. Pavlovskaya NY. [On the multifunctionality of the parenthetical unit in the texts of Old Russian writing of the 16th–17th centuries]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja U. I. Lenina. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihalogija*. 1990;1:44–48.

6. Glukhova VA. [Parenthetical constructions with the meaning of a consequence in the Russian literary language of the 18th century]. *Voprosy yazykoznaniya i sibirskoi dialektologii*. 1977;7:136–140. Russian.

7. Karimova RA. [Parenthetical words and parenthetical combinations of words in the Russian literary language of the second half of the 18th – early 19th centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni V. I. Ul'yanova-Lenina*. 1965;125:137–158. Russian.

8. Glushakova SO. The functioning of parenthetical and inserted constructions in scientific texts of the 18th–20th centuries. In: Kozhina MN, editor. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv. Tom 1. Razvitie nauchnogo stilya v aspekte funktsionirovaniya yazykovykh edinits razlichnykh urovnei. Chast' 2. Sintaksis* [Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the 18th–20th centuries. Volume 1. The development of the scientific style in the aspect of the functioning of language units of various levels. Part 2. Syntax]. Perm: Publishing House of the Perm University; 1994. p. 44–81. Russian.

9. Rudnev DV. The history of the Russian parenthetical word *znachit*. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* 2014;3:79–82. Russian.

10. Patroeva NV. Parenthetical constructions in lyrical text. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura.* 2013;2–3:183–205. Russian.

11. Shvedova NY, editor. *Russkaya grammatika. Tom 2. Sintaksis* [Russian grammar. Volume 2. Syntax]. Moscow: Nauka; 1980. 709 p. Russian.

12. Vinogradov VV. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. Grammar learning of the word]. Moscow: Uchpedgiz; 1947. 784 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.08.2019.
Received by editorial board 28.08.2019.